

ОСКАР

УАЙЛЬД

*КЕНТЕРВИЛЬСКОЕ
ПРИВИДЕНИЕ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Оскар Уайльд

Кентервильское привидение

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

до 1900 г.

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)я44

Уайльд О.

Кентервильское привидение / О. Уайльд — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», до 1900 г. — (Эксклюзивная классика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-121191-2

В книге собраны все рассказы и сказки Оскара Уайльда, среди которых знаменитые «Кентервильское привидение», «Счастливый принц», «Мальчик-звезда» и «Соловей и роза». Рассказы Уайльда сочетают в себе романтику и сатиру на общество, они ироничны и немного печальны, полны изящества и остроумия. А его сказки, написанные для взрослых, «которые не утратили дара радоваться и изумляться», – это трогательные истории о любви, доброте и самопожертвовании. Простым и лиричным языком писатель говорит о важных вещах, заставляя читателя, вслед за своими героями, открыть свое сердце и сделать мир хоть чуточку лучше. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)я44

ISBN 978-5-17-121191-2

© Уайльд О., до 1900 г.
© ФТМ, до 1900 г.
© Издательство АСТ, до 1900 г.

Содержание

«Кентервильское привидение» и другие истории	6
Кентервильское привидение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Оскар Уайльд
Кентервильское привидение

© ООО «Издательство АСТ», 2020

«Кентервильское привидение» и другие истории

Кентервильское привидение *Материально-идеалистическая история*¹

I

Мистер Хирам Б. Отис, американский посол, покупал Кентервильский замок. Все уверяли его, что он делает большую глупость, так как не было никакого сомнения, что в замке водятся духи.

Даже сам лорд Кентервиль, человек честный до щепетильности, счел своим долгом предупредить об этом мистера Отиса, когда они стали сговариваться об условиях продажи.

– Мы предпочитали не жить в этом замке, – сказал лорд Кентервиль, – с тех пор, как моя двоюродная бабка, вдовствующая герцогиня Болтон, была напугана до нервного припадка двумя руками скелета, опустившимися к ней на плечи, когда она переодевалась к обеду. Она так и не излечилась впоследствии. И я считаю себя обязанным уведомить вас, мистер Отис, что привидение это являлось многим ныне здравствующим членам моего семейства. Его видел и наш приходской пастор, преподобный Огастес Дампир, кандидат Королевского колледжа в Кембридже. После злополучного приключения с герцогиней никто из младшей прислуги не захотел оставаться у нас, а леди Кентервиль часто не удавалось уснуть по ночам из-за таинственных шорохов, доносившихся из коридора и библиотеки.

– Милорд, – ответил посол, – я куплю у вас и мебель и привидение. Я родом из передовой страны; там есть все, что можно купить за деньги. Да и наша шустрая молодежь ставит ваш Старый Свет вверх ногами и увозит ваших лучших актрис и примадонн. Так что, я уверен: будь в Европе хоть одно привидение, его бы давным-давно показывали у нас в публичном музее или возили по городам как диковинку.

– Боюсь, это привидение существует, – сказал, улыбаясь, лорд Кентервиль, – хотя оно, быть может, и отклонило заманчивые предложения ваших предприимчивых импресарио. Оно хорошо известно вот уже триста лет, – точнее сказать, с 1574 года, и всегда появляется незадолго до смерти кого-нибудь из нашей семьи.

– Ну, ведь и домашний врач тоже появляется незадолго до смерти, лорд Кентервиль. Нет, сэръ, привидений не существует, и смею думать, что законы природы неизменны – даже для английской аристократии.

– Да, вы очень просто смотрите на вещи в Америке, – отозвался лорд Кентервиль, не совсем понявший последнее замечание мистера Отиса, – и если вы ничего не имеете против привидения, то все улажено. Но только не забудьте – я вас предупреждал.

Через несколько недель была подписана купчая, и к концу сезона посол и его семья переехали в Кентервильский замок. Миссис Отис, еще будучи мисс Лукрецией Р. Тэппен, с 53-й Западной улицы, была известной нью-йоркской красавицей, теперь же это просто была красивая дама средних лет, с чудесными глазами и великолепным профилем. Многие американки, покидая свою родину, принимают хронически болезненный вид, думая, что это признак высшей европейской утонченности, но миссис Отис не совершила подобной ошибки. У нее было великолепное телосложение, и она обладала просто сказочным избытком жизненных сил. Даже

---

¹ © Перевод. М. Ликиардопуло.

во многих отношениях она была прямо англичанкой и являлась прекрасным подтверждением того, что у нас теперь почти все с Америкой общее, кроме, конечно, языка. Старший сын ее, которого родители, под влиянием минутной вспышки патриотизма, окрестили Вашингтоном, о чем он никогда не переставал сожалеть, – был довольно красивый юный блондин, проявивший все данные будущего американского дипломата, так как в течение трех сезонов подряд дирижировал немецкой кадрилией в ньюпортском казино и даже в Лондоне прослыл прекрасным танцором. Его единственными слабостями были гардении и гербовник. Во всем остальном это был человек чрезвычайно здравомыслящий. Мисс Виргиния Е. Отис была девочка пятнадцати лет, стройная и грациозная, как лань, с большими, ясными, голубыми глазами. Она была прекрасной наездницей и как-то раз заставила старого лорда Билтона проскакать с нею дважды вокруг Гайд-парка и на полтора корпуса обогнала его на своем пони у самой статуи Ахиллеса; этим она привела в такой восторг молодого герцога Чеширского, что он тут же сделал ей предложение и в тот же вечер, весь в слезах, был отправлен своими опекунами обратно в Итонскую школу. После Виргинии шли близнецы, которых обыкновенно дразнили «Звездами и Полосами», так как их часто пороли. Они были прелестные мальчики и, за исключением почтенного посла, единственные республиканцы во всем доме.

Так как Кентервильский замок отстоит на семь миль от Аскота, ближайшей железнодорожной станции, то мистер Отис заблаговременно телеграфировал, чтобы им выслали навстречу экипаж, и все отправились в путь в отличном расположении духа.

Был прекрасный июльский вечер, и воздух пропитался теплым ароматом соснового леса. Изредка слышалось нежное воркование лесной горлицы, наслаждающейся собственным голосом, или показывалась в гуще шелестящих папоротников пестрая грудь фазана. Крошечные белки посматривали на них с буков, а кролики стремительно улепетывали через низкую поросль и по мшистым кочкам, задрав белые хвостики. Когда въехали в аллею, ведущую к Кентервильскому замку, небо вдруг покрылось тучами, какая-то странная тишина сковала воздух, молча пролетела огромная стая галок, и еще не успели путники подъехать к дому, как стал накрапывать дождь большими редкими каплями.

На ступенях крыльца их поджидала старушка, в аккуратном черном шелковом платье, белом чепчике и переднике. Это была миссис Эмни, экономка, которую миссис Отис, по убедительной просьбе леди Кентервиль, оставила у себя на службе в прежней должности. Она перед каждым членом семьи по очереди низко присела и торжественно, по-старомодному, промолвила:

– Добро пожаловать в Кентервильский замок!

Они вошли вслед за нею в дом и, пройдя великолепный холл в стиле Тюдоров, очутились в библиотеке, длинной и низкой комнате. Ее стены были обшиты черным дубом, а в противоположном конце находилось большое окно из разноцветных стекол. Здесь был сервирован чай. Сняв пальто, они уселись за стол и стали разглядывать комнату, а миссис Эмни прислуживала им.

Вдруг миссис Отис заметила темное красное пятно на полу, у самого камина, и, не зная его происхождения, указала на него миссис Эмни:

– Кажется, здесь что-то пролито.

– Да, сударыня, – ответила старая экономка шепотом, – на этом месте была пролита человеческая кровь.

– Какой ужас! – воскликнула миссис Отис. – Кровавые пятна в гостиной, на мой взгляд, совершенно неуместны. Это надо немедленно смыть.

Старуха улыбнулась и ответила тем же таинственным шепотом:

– Это кровь леди Элеоноры Кентервиль, которая была убита на этом самом месте в 1575 году своим собственным мужем, лордом Симоном де Кентервилем. Сэр Симон пережил ее на девять лет и потом неожиданно исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Его

тело так и не было найдено, но грешный дух его до сих пор еще бродит по замку. Пятно это приводило в восхищение туристов, и уничтожить его невозможно.

– Это все глупости! – воскликнул Вашингтон Отис. – «Всемирный Выводитель Пятен Пинкертона и Образцовый Очиститель» уничтожит его в одно мгновение.

И не успела испуганная экономка помешать ему, как он опустил на колени и стал быстро тереть пол маленькой палочкой какого-то вещества, похожего на черный фиксаж. Через несколько минут от кровавого пятна не осталось ни следа.

– Я знал, что «Пинкертона» не подведет! – воскликнул он, торжествуя, и оглянулся на семейство, которое с одобрением смотрело на него; но он не договорил, так как яркая вспышка молнии озарила полутемную комнату и оглушительный удар грома поднял всех на ноги, а миссис Эмни упала в обморок.

– Какой чудовищный климат, – заметил спокойно американский посол, закуривая длинную манильскую сигару. – Очевидно, в этой древней стране населения так много, что на всех не хватает приличной погоды. Я всегда держался того мнения, что эмиграция – единственное спасение для Англии.

– Дорогой Хирам, – сказала миссис Отис, – что нам делать с женщиной, которая падает в обморок?

– Вычти из ее жалованья, как за битье посуды, – ответил посол, – после этого она не станет больше падать.

И действительно, через несколько минут миссис Эмни пришла в себя. Но, несомненно, она была очень взволнована и торжественно предупредила миссис Отис, что дому неминуемо угрожает беда.

– Сэр, – сказала она, – я видела собственными глазами такие вещи, от которых у всякого доброго христианина волосы встали бы дыбом, и много ночей не смыкала я глаз от ужасов, творящихся здесь.

Но мистер Отис и его жена настойчиво убеждали почтенную женщину, что они не боятся привидений, и, призвав благословение Божие на своих новых хозяев и намекнув на прибавку жалованья, старая экономка удалилась нетвердыми шагами в свою комнату.

II

Буря дико бушевала всю ночь, но ничего особенного не случилось. Однако на следующее утро, когда семья сошла к завтраку, все снова увидели на полу ужасное кровавое пятно.

– Не думаю, чтобы тут виноват был мой «Образцовый Очиститель», – сказал Вашингтон. – Я его испробовал на очень многих вещах. Должно быть, это дело привидения.

И он снова стер пятно, и снова к следующему утру оно появилось. И на третье утро оно было там, хотя накануне вечером мистер Отис сам запер библиотеку и унес с собою ключ. Вся семья сильно заинтересовалась этим; мистер Отис стал подумывать, не был ли он слишком догматичен, когда отрицал существование привидений; миссис Отис высказала решение вступить в члены Общества исследований спиритических явлений, а Вашингтон приготовил длинное письмо к господам Майерсу и Подмору на тему о прочности кровавых пятен, связанных с преступлением. Но в ту же ночь были рассеяны навсегда всякие сомнения относительно существования призраков.

День был жаркий и солнечный, и, когда наступила вечерняя прохлада, вся семья поехала кататься. Они вернулись домой только к девяти часам и сели за легкий ужин. Разговор вовсе не касался духов, поэтому не было даже тех элементарных условий для повышенной восприимчивости, которая так часто предшествует всяким спиритическим явлениям. Темы, которые обсуждались, как мне потом удалось узнать от мистера Отиса, были обычные темы просвещенных американцев высшего общества, например: бесконечное превосходство мисс Фанни

Давенпорт как актрисы над Сарой Бернар; трудность получения даже в лучших английских домах зеленой кукурузы, гречневых пирожков и маисовой каши; значение Бостона для развития мировой души; преимущества билетной системы для провоза багажа по железной дороге; приятная мягкость нью-йоркского акцента в сравнении с тягучестью лондонского произношения. Никто не упомянул ни о чем сверхъестественном, и о сэре Симоне де Кентервиле вовсе не было речи. В одиннадцать часов семья удалилась на покой, и полчаса спустя во всем доме были погашены огни. Через короткое время мистер Отис проснулся от страшного шума в коридоре, куда выходила его комната. Ему послышался как будто звон металла, приближающийся с каждой минутой. Он тотчас же встал, зажег спичку и посмотрел на часы: ровно час. Мистер Отис был совершенно спокоен и пощупал свой пульс, который бился ровно, как всегда. Страшный шум продолжался, и одновременно мистер Отис ясно стал различать звук шагов. Он надел туфли, достал из несессера маленький узкий флакон и открыл дверь. Прямо перед собой, при слабом свете луны, он увидел старика ужасной внешности. Глаза его были подобны красным горящим угольям; длинные седые волосы ниспадали на плечи спутанными прядями; платье, старинного покроя, все в лохмотьях и грязно, а на руках и ногах – тяжелые кандалы и цепи.

– Сэр, – сказал мистер Отис, – я решительно настаиваю на том, чтобы вы смазали свои цепи; для этой цели я принес вам маленький флакон смазки «Восходящее солнце» фирмы Таммани. Уверяют, что она дает желаемые результаты после первого же смазывания, и на обертке вы можете найти блестящие отзывы, с подписями наиболее видных пасторов моей родины. Я оставлю бутылочку здесь около подсвечников и буду рад снабжать вас этим средством по мере надобности.

С этими словами посол Соединенных Штатов поставил пузырек на мраморный столик и, закрыв дверь, удалился.

Минуту кентервильское привидение стояло совершенно неподвижно, охваченное вполне естественным гневом; затем, озлобленно со всего размаху хватив бутылкой о паркет, понеслось по коридору, издавая глухие стоны и испуская зловещее зеленое сияние. Но едва оно достигло верхней площадки большой дубовой лестницы, как раскрылась какая-то дверь, показались две маленькие фигурки в белом, и огромная подушка просвистела у него над головой. Не теряя времени, привидение быстро воспользовалось четвертым измерением, нырнув в деревянную обшивку стены. В доме все стихло.

Добравшись до маленькой потайной каморки в левом крыле замка, дух, чтобы передохнуть, прислонился к лунному лучу и задумался. Никогда за всю его славную, незапятнанную трехсотлетнюю карьеру его так жестоко не оскорбляли. Он вспомнил о вдовствующей герцогине, которую напугал до припадка, когда она стояла перед зеркалом вся в кружевах и бриллиантах; о четырех горничных, с которыми случилась истерика, когда он просто улыбнулся им из-за портьеры спальни; о приходском пасторе, у которого он потушил свечу, когда тот вечером выходил из библиотеки, и который с тех пор находился на излечении у сэра Уильяма Галла, страдая нервным расстройством; о старой мадам де Тремульяк, которая, проснувшись однажды рано утром и увидав скелет, сидящий в кресле у камина и читающий ее дневник, слегла на целых шесть недель от воспаления мозга, примирилась с церковью и раз и навсегда порвала всякие сношения с известным скептиком *monsieur de Вольтером*. Он вспомнил ужасную ночь, когда нашли жестокого лорда Кентервиля у себя в спальне, и тот задыхался, так как в горле у него застряла карта с бубновым валетом. Старик сознался перед смертью, что, играя у Крокфорда с Чарлзом-Джеймсом Фоксом, обыграл его на 50 000 фунтов стерлингов с помощью этой же карты, и вот теперь эту карту ему сунуло в глотку кентервильское привидение. Он вспомнил все свои великие подвиги, начиная с дворецкого, который застрелился в буфетной, увидев зеленую руку, стучащую к нему в окно, и кончая прекрасной леди Стетфилд, которая принуждена была носить вокруг шеи черную бархатку, дабы скрыть следы пяти пальцев, оставшихся на ее белоснежной коже. Она потом утопилась в сазанном пруду, в конце Королевской

аллеи. С восторженным самодовольством настоящего художника перебирал он в памяти свои наиболее знаменитые проделки и горько улыбался, вспоминая последнее появление в качестве Красного Рубена, или Задушенного Младенца, дебют в роли Сухощавого Джибона, или Кровопийцы с Бекслейской Топи, и фурор, который произвел как-то ясным июньским вечером, играя в кегли своими костями на площадке для лаун-тенниса.

И после всего этого являются какие-то несчастные современные американцы, предлагают ему смазку «Восходящее солнце» и швыряются подушками! Это просто невыносимо! В истории не бывало примера, чтобы так обращались с привидениями. И он решил отомстить и до рассвета оставался в глубоком раздумье.

III

На следующее утро, когда семья Отис встретилась за завтраком, стали подробно и много говорить о привидении. Посол Соединенных Штатов был немного обижен тем, что подарок его не был принят.

– Я не желаю наносить этому духу оскорбление, – сказал он, – и должен заметить, что, принимая во внимание долголетнее его пребывание в этом доме, не совсем вежливо швырять в него подушками. (Это вполне справедливое замечание было встречено, к сожалению, взрывами смеха со стороны близнецов.) Но с другой стороны, – продолжал посол, – если дух действительно отказывается пользоваться смазкой «Восходящее солнце», придется отобрать у него цепи. Совершенно невозможно спать, когда около спальни такой шум.

Однако остаток недели прошел тихо, и ничто не беспокоило их; лишь кровавое пятно постоянно появлялось на полу библиотеки. Это было действительно странно, так как дверь всегда запирали на ночь сам мистер Отис, а окна закрывались ставнями с крепкими задвижками. Вызывала много толков и меняющаяся окраска этого пятна. Иногда оно по утрам было густого (почти индийского) красного цвета, иногда киноварного, потом пурпурного, а однажды, когда семья сошла вниз к общесемейной молитве, – согласно упрощенному ритуалу свободной американской реформированной епископальной церкви, – пятно было яркого изумрудно-зеленого цвета. Эти калейдоскопические перемены, естественно, очень забавляли всех членов семейства, и каждый вечер заключались пари в ожидании следующего утра. Только маленькая Виргиния не разделяла общего легкомысленного настроения; она, по какой-то необъяснимой причине, всегда очень печалилась при виде кровавого пятна и чуть-чуть не расплакалась в то утро, когда оно было ярко-зеленое.

Второе появление духа состоялось в воскресенье ночью. Вскоре после того, как все разошлись по спальням, раздался невероятный треск в холле. Спустившись вниз, семейство увидело, что большие рыцарские доспехи, сорвавшиеся с пьедестала, валяются на полу, а в кресле с высокой спинкой сидит кентервильское привидение, потирая коленки с выражением острой боли. Близнецы, захватившие с собой резиновые рогатки, с меткостью, которая достигается только долгим и упорным упражнением на особе учителя чистописания, тотчас же выпустили в привидение два заряда, а посол Соединенных Штатов направил на него револьвер и, согласно калифорнийскому этикету, попросил поднять руки вверх. Дух вскочил с диким криком бешенства и пронесся как туман мимо них, потушив при этом у Вашингтона свечу и оставив всех в абсолютной темноте. Добравшись до верхней площадки лестницы, он пришел в себя и решил разразиться своим знаменитым дьявольским хохотом. Не раз этот хохот оказывал ему услуги. Говорят, от него в одну ночь поседел парик у лорда Райкера, и, бесспорно, этот хохот был причиной того, что три французские гувернантки леди Кентервиль отказались от места, не прослужив и месяца. И он захохотал своим самым ужасным хохотом, так что зазвенел старый сводчатый потолок. Но едва замолкло страшное эхо, как раскрылась дверь и вышла миссис Отис в бледно-голубом капоте.

– Мне кажется, вы не совсем здоровы, – сказала она, – я вам принесла бутылку микстуры доктора Добеля. Если вы страдаете несварением желудка, то это средство вам очень поможет.

Дух бросил на нее яростный взгляд и хотел было обернуться в черную собаку – талант, который ему принес справедливую славу и которому домашний врач всегда приписывал неизлечимое слабоумие дяди лорда Кентервиля, мистера Томаса Хортона. Но звуки приближающихся шагов заставили его отказаться от этого намерения, и он удовольствовался тем, что стал слабо фосфоресцировать и исчез с глубоким кладбищенским вздохом как раз в ту минуту, когда его почти настигли близнецы.

Добравшись до своей комнаты, он окончательно расстроился и сделался жертвой самого сильного волнения. Вульгарность близнецов и грубый материализм миссис Отис были крайне ему неприятны, но больше всего огорчило то, что так и не удалось облечься в доспехи. Он надеялся, что даже современные американцы будут смущены зрелищем привидения в доспехах если не по какой-либо разумной причине, то, по меньшей мере, из уважения к их национальному поэту Лонгфелло, над томами изящной и привлекательной поэзии которого он провел не один долгий час, когда Кентервили переезжали в город. Кроме того, это было его собственное облачение. Он носил его с большим успехом на турнире в Кенильворте и удостоился выслушать по поводу его много лестного от самой королевы-девственницы. Но надев доспехи теперь, он просто свалился под тяжестью огромного нагрудника и стального шлема – в изнеможении упал на каменный пол, сильно ушибив колени и разодрав кожу на пальцах правой руки.

В течение нескольких дней он серьезно хворал и почти не выходил из своей комнаты, кроме как ночью, для поддержания в надлежащем виде кровавого пятна. Но благодаря тщательному уходу за собой он поправился и решился в третий раз попытаться испугать посла Соединенных Штатов и его семью. Для этого он выбрал пятницу 17 августа и провел почти весь день, перебирая свой гардероб. Наконец он остановился на большой широкополой шляпе с красным пером, саване с рюшками у ворота и на рукавах и на заржавленном кинжале. К вечеру разразился сильный ливень, и ветер так бушевал, что все окна и двери в старом доме вздрагивали и дребезжали. Впрочем, именно такую погоду он очень любил. План был намечен такой: первым делом он проберется тихонько в комнату Вашингтона Отиса, станет у него в ногах и наговорит ему всякого вздору, а потом под звуки тихой музыки пронзит себе горло кинжалом. Особую неприязнь он чувствовал к Вашингтону, так как прекрасно знал, что именно он стирал знаменитое Кентервильское пятно с помощью Образцового Пинкертонского Очистителя. Доведя легкомысленного и дерзкого юношу до состояния несказанного ужаса, он пойдет в спальню посла Соединенных Штатов и его супруги и положит покрытую холодным потом руку на голову миссис Отис, нашептывая при этом ее дрожащему мужу на ухо ужасные тайны склепа. Что касается маленькой Виргинии, то он и сам еще не решил, что именно предпримет. Она никогда его не оскорбляла, а была так мила и нежна. Несколько глухих стонов из шкапа будет более чем достаточно, а если это не разбудит ее, он подергает дрожащими пальцами ее одеяло. Близнецам же он решил преподать урок. Первое, что надо сделать, это, конечно, сесть им на грудь, чтобы вызвать отвратительные ощущения кошмара. Потом, ввиду того что кровати близнецов стоят близко друг к другу, он встанет между ними в образе зеленого зазеленелого трупа, пока они не застынут от ужаса. И вот тогда он сбросит саван и, обнажив свои кости, будет шагать по комнате, вращая одним глазом, в роли Немого Даниила, или Скелета Самоубийцы. Эта роль не раз производила большой эффект, и по силе он считал ее равной своему исполнению Сумасшедшего Мартина, или Сокрытой Тайны.

В половине одиннадцатого он слышал, как вся семья отправилась спать. Долго ему мешали дикие взрывы хохота близнецов, которые с легкомысленной беспечностью школьников, очевидно, резвились перед тем, как улечься на покой. В четверть двенадцатого все стихло, и, как только пробило полночь, он пустился в путь. Совы бились о стекла окон, ворон каркал со старого тисового дерева, и ветер блуждал, словно неприкаянная душа, вокруг старого

дома. Но семья Отис спокойно спала, не подозревая о предстоящем несчастье, и громче дождя и бури раздавался храп посла Соединенных Штатов. Дух осторожно выступил из обшивки и злобно улыбнулся, скривив жестокий, сморщенный рот. Луна спряталась за тучей, когда он пробирался мимо круглого окна, на котором золотом и лазурью были выведены его герб и герб убитой им жены. Все дальше скользил он, словно зловещая тень; казалось, и сама тьма встречала его с отвращением.

Вот ему показалось, что его окликнули – он замер, но это был только лай собаки, доносившийся с Красной фермы. И он продолжал свой путь, бормоча страшные ругательства XVI века и не переставая размахивать заржавленным кинжалом. Наконец он добрался до угла коридора, ведущего в комнату злосчастного Вашингтона. На мгновение он остановился; ветер развевал его длинные седые локоны и свертывал с неизреченным ужасом в чудовищные фантастические складки саван мертвеца. Часы пробили четверть. Пора. Он самодовольно замурлыкал и повернул за угол. Но едва он это сделал, как с воплем ужаса шарахнулся назад, закрыв побледневшее лицо длинными костлявыми руками. Прямо перед ним стоял ужасный призрак, неподвижный, словно изваяние, и чудовищный, как бред сумасшедшего. Голова лысая, гладкая; лицо круглое, жирное, белое; и отвратительный смех свел черты его в вечную улыбку. Из глаз струились лучи красного света, рот пылал пламенем, а безобразная одежда, похожая на его собственную, окутывала молчаливыми снегами титаническую фигуру. На груди у призрака висела доска с надписью, начертанной старинным шрифтом: верно, повесть о диких злодеяниях, ужасный перечень преступлений. В правой руке он высоко держал палицу из блестящей стали.

Никогда прежде не видав привидений, Кентервильский дух, естественно, ужаснулся и, бросив беглый взгляд на страшный призрак, побежал назад к себе в комнату, путаясь в складках савана и уронив заржавленный кинжал в сапоги посла, где на следующее утро его нашел дворецкий. Добравшись до своей комнаты и очутившись наконец в безопасности, он бросился на узкую походную кровать и спрятал лицо под одеялом. Спустя некоторое время, однако, проснулась в нем старая кентервильская отвага, и он решил пойти и заговорить с другим привидением, как только рассветет. И едва заря окрасила холмы серебром, он вернулся туда, где столкнулся с жутким призраком, чувствуя, что, в конце концов, два привидения лучше одного и что с помощью нового друга сумеет справиться с близнецами. Но когда он очутился там, его взорам представилась страшная картина. Что-то, очевидно, приключилось с призраком, так как свет окончательно потух в его пустых глазницах, блестящая палица выпала из рук и весь он прислонился к стене в крайне неудобной и неестественной позе. Дух Кентервиля подбежал к нему, поднял его, как вдруг – о, ужас! – голова соскочила и покатилась по полу, туловище окончательно согнулось, и он увидел, что обнимает белую канифасовую занавеску, а у ног его лежат метла, кухонный топор и выдолбленная тыква. Не понимая причины этого странного превращения, он дрожащими руками поднял плакат и при сером свете утра прочел следующие страшные слова:

ДУХ ОТИС

Единственный настоящий и оригинальный призрак!

Остерегайтесь подделок!!

Все остальные – ненастоящие!

Ему сразу все стало ясно. Его обманули, перехитрили, оставили с носом! Глаза его засверкали старым кентервильским огнем; он заскрежетал беззубыми деснами и, подняв высоко над головой сморщенные руки, поклялся, согласно образной фразеологии старинной школы, что, когда Шантеклер дважды протрубит в свой рог, совершатся кровавые преступления и убийство тихими шагами пройдет по этому дому.

Едва он произнес ужасную клятву, как с красной черепичной крыши далекого домика раздалось пение петуха. Дух захохотал долгим, глухим и печальным хохотом и стал ждать. Час

за часом ждал он, но по какой-то необъяснимой причине петух вторично не запел. Наконец около половины восьмого приход горничных заставил его отказаться от страшного бдения, и он вернулся в свою комнату, не переставая думать о своей тщетной надежде и неисполненном желании. Там, у себя, он принялся перебирать древние книги, которые очень любил, и вычитал, что каждый раз, когда бывала произнесена его клятва, всегда вторично пропевал петух.

– Да будет проклята эта гадкая птица, – пробормотал он, – дождусь ли дня, когда верным копьем проткну ей глотку и заставлю петь мне до смерти.

Потом он лег в удобный свинцовый гроб и оставался там до самого вечера.

IV

На следующий день дух чувствовал себя очень слабым и утомленным. Ужасное нервное возбуждение последних четырех недель начинало сказываться. Нервы были совершенно разбиты, и он вздрагивал при малейшем шорохе. В течение целых пяти дней он не выходил из своей комнаты и наконец даже перестал заботиться о кровавом пятне на полу библиотеки. Если оно не нужно семье Отис, то ясно, что они недостойны его. Очевидно, это люди, живущие в низшей материальной плоскости и совершенно не умеющие ценить символическое значение спиритических феноменов. Вопрос о сверхземных явлениях и о развитии астральных тел, конечно, был иного рода и, в сущности, не находился под его контролем. Но священной его обязанностью было являться раз в неделю в коридоре, издавать бессвязный вздох с большого круглого окна в первую и третью среду каждого месяца, и он не видел возможности отказаться от этого. И хотя его жизнь была очень безнравственной, во всех вопросах, связанных с потусторонним миром, он был крайне добросовестен. Поэтому в ближайшие три субботы он, по обыкновению, прогуливался по коридору между полночью и тремя часами утра, принимая всевозможные меры, чтобы его не слышали и не видели. Он снимал сапоги, ступал как можно легче по изъеденным червями доскам пола, надевал широкий черный бархатный плащ и не забывал тщательно смазывать свои цепи смазкой «Восходящее солнце». Надо сказать, ему стоило многих усилий заставить себя прибегнуть к этой последней предохранительной мере. И все-таки однажды вечером, когда семья сидела за обедом, он пробрался в комнату к мистеру Отису и выкрал бутылку. Сперва он чувствовал себя немного униженным, но потом вынужден был благоразумно сознаться, что изобретение это имело свои достоинства и до некоторой степени могло принести пользу. Но, несмотря на все предосторожности, его не оставляли в покое. Постоянно кто-то протягивал веревки поперек коридора, о которые он спотыкался в темноте; а однажды, когда он оделся для роли Черного Исаака, или Охотника из Хоглейских Лесов, он тяжело ушибся, поскользнувшись на масляном катке, который устроили близнецы, начиная от входа в гобеленовую залу до верхней площадки дубовой лестницы. Это происшествие так разозлило его, что он решил последний раз попытаться восстановить свое достоинство и общественное положение, явившись дерзким юным школьникам в следующую ночь в своей знаменитой роли Отважного Руперта, или Герцога без головы.

Он не появлялся в этой роли более семидесяти лет, с тех самых пор, когда так напугал хорошенькую леди Барбару Модисш, что она отказала своему жениху, деду нынешнего лорда Кентервиля, и убежала в Гретна-Грин с красавцем Джеком Каслтоном, заявив, что ни за что в мире не согласится выйти замуж за человека, семья которого позволяет такому ужасному призраку разгуливать в сумерках по террасе. Бедный Джек был вскоре убит на дуэли лордом Кентервильским на Вандсвортском лугу, а леди Барбара умерла от разбитого сердца в Тенбридж-Уэльсе меньше чем через год, так что в общем выступление духа имело большой успех. Но это был чрезвычайно трудный грим, – если можно воспользоваться таким театральным термином, говоря об одной из величайших тайн мира сверхъестественного, или, выражаясь научнее, мира «околоестественного». Призрак потерял целых три часа на приготовления. Наконец

все было готово, и он остался очень доволен своим видом. Правда, большие кожаные ботфорты, которые составляли часть костюма, были немного велики, и не удалось отыскать один из двух пистолетов, но это – сущие пустяки. Ровно в четверть второго призрак выскользнул из обшивки и прокрался вниз по коридору. Добравшись до комнаты, которую занимали близнецы (кстати сказать, эта комната называлась Голубой спальней из-за цвета обоев и штор), он заметил, что дверь чуть приоткрыта. Желая как можно эффектнее войти, он широко распахнул ее... и прямо на него свалился тяжелый кувшин с водой, промочив его насквозь и едва не задев левое плечо. В ту же минуту раздались взрывы хохота из-под балдахина широкой постели.

Нервное потрясение было так велико, что он со всех ног кинулся в свою комнату и на следующий день слег от сильной простуды. Хорошо еще, что он выступал в роли без головы, иначе последствия могли бы быть очень серьезными.

Теперь он оставил всякую надежду напугать эту невоспитанную американскую семью и большую часть довольствовался тем, что бродил по коридору в войлочных туфлях, с толстым красным шарфом вокруг шеи, из боязни сквозняков, и с маленьким арбалетом в руках на случай нападения близнецов. Окончательный удар был нанесен ему 19 сентября. Он спустился в большую переднюю, чувствуя, что там, по крайней мере, будет в совершенной безопасности, и стал развлекать себя язвительными насмешками над большими увеличенными фотографиями посла Соединенных Штатов и его супруги, сменившими фамильные портреты Кентервилей. Одет он был просто, но аккуратно, в длинный саван, кое-где запятнанный могильной плесенью, нижняя челюсть подвязана куском желтого полотна, в руке – фонарик и заступ могильщика. Собственно говоря, это был костюм для роли Ионы Непогребенного, или Пожирателя Трупов с Чертсейского Гумна, одно из его лучших воплощений. Кентервили хорошо его помнят, ибо именно оно послужило поводом для их ссор с соседом лордом Реффордом. Было около четверти третьего, и, судя по всему, все уже спали. Но когда он осторожно пробирался к библиотеке, чтобы проверить, остались ли какие-нибудь следы от кровавого пятна, из-за угла на него внезапно набросились две фигуры, дико размахивавшие руками над головой, и крикнули ему на ухо: «Б-у-у!»

Охваченный вполне естественным при таких условиях паническим страхом, он бросился к лестнице, но там его ждал Вашингтон с большим садовым насосом. Окруженный со всех сторон врагами и почти принужденный сдаться, он юркнул в большую железную печь, которая, к счастью, не топилась, и пробрался по трубам в свою комнату в ужасном виде – грязный, растерзанный, в полном отчаянии.

С тех пор он не устраивал ночных вылазок. Близнецы еще не раз поджидали его в засаде и каждый вечер посыпали пол коридоров ореховой скорлупой, к величайшему неудовольствию родителей и прислуги, но все было напрасно. Стало совершенно очевидно, что дух счел себя настолько обиженным, что не хотел больше появляться. Поэтому мистер Отис снова принялся за свой труд по истории демократической партии, над которым работал уже много лет; миссис Отис организовала состязание по печению пирогов, поразившее все графство; мальчики увлеклись лакроссом, покером, юкером и другими национальными американскими играми; Виргиния же каталась по аллеям на своем пони, в сопровождении молодого герцога Чеширского, проводившего последнюю неделю своих каникул в Кентервильском замке. Все окончательно решили, что привидение куда-нибудь переселилось, и мистер Отис известил об этом письмом лорда Кентервиля, который в ответ выразил большую радость по этому поводу и поздравил почтенную супругу посла.

Но Отисы ошиблись. Привидение все еще находилось в доме, и хотя было теперь почти инвалидом, вовсе не думало оставлять всех в покое. Особенно когда узнало, что среди гостей был молодой герцог Чеширский, двоюродный дед которого, лорд Фрэнсис Стилтон, однажды поспорил на сто гиней с полковником Карбери, что сыграет в кости с Кентервильским духом. На следующее утро его нашли на полу игровой комнаты в беспомощном состоянии, разбитого

параличом. Он дожил до преклонного возраста, но никогда больше не мог сказать ни слова, кроме «шесть и шесть». Эта история в свое время получила широкую огласку, но из уважения, конечно, к чувствам обеих благородных семей ее постарались замять. Подробное описание обстоятельств, связанных с этой историей, можно найти в третьем томе книги лорда Таттля «Воспоминания о принце-регенте и его друзьях». Поэтому вполне естественно было желание духа доказать, что он не потерял своего влияния над Стилтонами, с которыми к тому же у него было отдаленное родство; его собственная кузина была замужем *en secondes nocces*² за сэром де Бёлкли, от которого, как известно, ведут свой род герцоги Чеширские. Ввиду этого он начал приготовления, чтобы предстать перед юным поклонником Виргинии в своем знаменитом воплощении Монаха-Вампира, или Бескровного Бенедиктинца, – нечто столь страшное, что, когда его однажды, в роковой вечер под Новый год, в 1764 г., увидела старая леди Стартап, она разразилась пронзительными криками и через три дня скончалась от апоплексического удара, лишив Кентервилей, своих ближайших родственников, наследства и оставив все состояние своему лондонскому аптекарю.

Но в последнюю минуту страх перед близнецами помешал духу покинуть свою комнату, и маленький герцог спокойно провел ночь под большим балдахином с плюмажами в королевской опочивальне и видел во сне Виргинию.

V

Несколько дней спустя Виргиния и ее златокудрий кавалер поехали кататься верхом на Броклейские луга, где она, перескакивая через плетень, так разорвала амазонку, что по возвращении домой решила подняться в свою комнату по черной лестнице, чтобы никто не видел. Когда она пробегала мимо гобеленовой залы, дверь которой была чуть-чуть приоткрыта, ей померещилось, что она кого-то увидела там, и, думая, что это камеристка ее матери, иногда приходившая сюда с шитьем, решила попросить ее заштопать платье. К ее неописуемому удивлению, оказалось, однако, что это был сам Кентервильский дух! Он сидел у окна и смотрел, как по воздуху носилось тусклое золото желтеющих деревьев и красные листья мчались в бешеной пляске по длинной аллее. Он оперся головою на руки, и весь облик его говорил о крайнем отчаянии. Таким одиноким, истрепанным казался он, что маленькая Виргиния, первая мысль которой была – убежать и запереться у себя в комнате, преисполнилась жалостью и решила попробовать утешить его. Так легки и неслышны были ее шаги, так глубока была его грусть, что он не заметил ее присутствия, пока она не заговорила.

– Мне вас очень жаль, – сказала она, – но братья мои завтра возвращаются в Итон, и тогда, если вы будете вести себя прилично, никто вас больше обижать не станет.

– Глупо просить меня, чтобы я вел себя прилично, – ответил он, оглядывая в удивлении хорошенькую девочку, которая решила с ним заговорить, – просто нелепо. Я должен греметь цепями, стонать в замочные скважины, разгуливать по ночам – как же иначе? В этом смысл моего существования.

– Это вовсе не смысл существования, и вы знаете, что были очень злым человеком. Миссис Эмни рассказывала нам в день нашего приезда, что вы убили свою жену.

– Ну что ж, я и не отрицаю этого, – ответил дух сварливо, – но это чисто семейное дело, и оно никого не касается.

– Очень нехорошо убивать кого бы то ни было, – сказала Виргиния, которая иногда проявляла милую пуританскую строгость, унаследованную от какого-нибудь старого предка из английских переселенцев.

---

² Вторым браком (*фр.*).

– О, я ненавижу дешевую строгость отвлеченной морали! Жена моя была очень некрасива, никогда не могла прилично накрахмалить мои брыжи и ничего не понимала в стряпне. Вот вам пример: однажды я убил в Хоглейском лесу оленя, великолепного годовалого самца, и как, вы думаете, она приказала подать его к столу? Впрочем, это неважно теперь, ведь все в прошлом. Только, по-моему, было не очень мило со стороны ее братьев, что они заморили меня голодной смертью, хоть я и был убийца своей жены.

– Заморили голодом? О господин дух, то есть я хотела сказать, сэр Симон, вы голодны? У меня в сумке есть бутерброд. Хотите?

– Нет, благодарю вас. Я теперь никогда ничего не ем; но все же вы очень любезны, и вообще вы гораздо милее всех остальных в вашей отвратительной, невоспитанной, пошлой, бесчестной семье.

– Молчите! – крикнула Виргиния, топнув ногой. – Вы сами невоспитанный, и отвратительный, и пошлый, а что касается бесчестности, то вы же сами взяли у меня из ящика краски, чтобы поддерживать кровавое пятно в библиотеке. Вначале вы взяли все красные краски, включая и киноварь, – я не смогла рисовать солнечные закаты, потом изумрудную зелень и желтый хром, и наконец у меня ничего не осталось, кроме индиго и белил. Мне пришлось ограничиваться сценами при лунном освещении, что всегда выходило очень тоскливо и не так-то легко нарисовать. Я ни разу не выдала вас, хотя мне было очень неприятно. И вообще вся эта история крайне нелепа; кто когда-либо слышал о крови изумрудно-зеленого цвета?

– Но скажите, – сказал дух довольно покорно, – что же мне было делать? Очень трудно в наши дни доставать настоящую кровь, и, так как ваш брат пустил в ход свой Образцовый Очиститель, я не видел причины, почему бы мне не воспользоваться вашими красками. Что касается цвета, то это вопрос вкуса; у Кентервилей, например, кровь голубая, самая голубая во всей Англии; но я знаю, что вы, американцы, такого рода вещей не любите.

– Вы совершенный невежда, и лучше вам эмигрировать в Америку и подучиться там. Отец мой рад будет выхлопотать вам бесплатный проезд, и хотя пошлина на всякого рода духи высокая, вас вряд ли побеспокоят на таможне, ведь все чиновники – демократы. А в Нью-Йорке вам обеспечен колоссальный успех. Я знаю многих людей, которые дали бы сто тысяч долларов, чтобы иметь деда, и несравненно больше, чтобы иметь семейное привидение.

– Вряд ли мне понравится ваша Америка.

– Наверное, потому, что там нет никаких развалин и ничего архаического? – сказала Виргиния иронически.

– Никаких развалин – а ваш флот? Ничего архаического – а ваши обычаи?

– Прощайте! Пойду и попрошу папу, чтобы он выхлопотал близнецам еще одну неделю каникул.

– Не уходите, пожалуйста, мисс Виргиния! – воскликнул призрак. – Я так одинок и так несчастлив и, право, не знаю, что делать. Мне хочется уснуть, а я не могу.

– Ну, это уж совсем нелепо!.. Вам только надо лечь в постель и потушить свечу. Иногда бывает очень трудно не уснуть, особенно в церкви, но никогда не бывает трудно уснуть. Даже грудные младенцы умеют это делать, а они ведь не так уж умны.

– Я не спал триста лет, – сказал он печально, и красивые голубые глаза Виргинии широко раскрылись в удивлении, – триста лет я не спал, и я так утомлен.

Виргиния сделалась совершенно серьезной, и ее губы задрожали, как розовые лепестки. Она подошла к призраку, опустила на колени и заглянула в старое и сморщенное лицо.

– Бедный, бедный дух, – прошептала она, – разве у тебя нет места, где бы лечь и уснуть?

– Далеко, далеко за сосновым бором, – ответил он тихим мечтательным голосом, – есть маленький сад. Там густа и высока трава, там большие белые звезды болиголова, и всю ночь поет соловей. Всю ночь там поет соловей, а сверху глядит холодная хрустальная луна, и тисовое дерево простирает свои исполинские руки над спящими.

Глаза Виргинии потускнели от слез, и она закрыла лицо руками.

– Вы говорите о Саде Смерти? – прошептала она.

– Да, Смерти. Смерть должна быть прекрасна. Лежать в мягкой темной земле, чтоб над головой качались травы, и слушать молчание! Не знать ни вчера, ни завтра. Забыть время, простить жизнь, познать покой. Вы мне можете помочь. Вы можете открыть мне врата в обитель Смерти, ибо с вами – всегда Любовь, а Любовь сильнее Смерти.

Виргиния вздрогнула, словно ее пронзил холод. Воцарилось молчание. Ей казалось, будто она в каком-то ужасном сне.

Наконец дух заговорил, и голос его был похож на вздохи ветра.

– Вы когда-нибудь читали старинное предсказание, начертанное на окне библиотеки?

– О, часто! – воскликнула девочка, поднимая голову. – Я его хорошо знаю. Оно написано странными черными буквами, и его так трудно прочесть. Там всего шесть строк:

Когда златокудрая дева склонит
Уста грешника к молитве,
Когда сухое миндальное дерево зацветет
И малый ребенок заплачет,
Тогда затихнет весь наш дом,
И покой сойдет на Кентервиля.

Но я не понимала, что` значат эти слова.

– Они означают, – сказал он печально, – что вы должны оплакать мои прегрешения, ибо у меня самого нет слез, и помолиться за мою душу, ибо у меня нет веры, и тогда, если вы всегда были доброй, любящей и хорошей, Ангел Смерти смируется надо мной. Вы увидите ужасных чудовищ во тьме, и злые голоса станут шептать вам на ухо, но они не причинят вам вреда, ведь против чистоты ребенка злые силы ада бессильны.

Виргиния ничего не ответила, и дух в диком отчаянии заломил руки, глядя сверху на ее златокудрую головку. Вдруг, бледная, с горящими глазами, она встала.

– Я не боюсь, – сказала она решительно, – и попрошу Ангела помиловать вас.

Вскрикнув от радости, призрак взял ее руку и, склонившись, поцеловал по старинному обычаю. Пальцы его были холодны как лед, а губы жгли как огонь, но Виргиния ни на минуту не поколебалась, пока он вел ее через полутемную комнату. На поблекших зеленых гобеленах были вытканы маленькие охотники. Они затрубили в свои украшенные кистями рога и крошечными ручками манили ее назад.

– Назад, маленькая Виргиния! – кричали они. – Назад!

Но дух схватил ее крепче за руку, и она закрыла глаза. Отвратительные звери с хвостами ящериц и выпученными глазами смотрели на нее с резной рамы камина и шептали:

– Берегись, маленькая Виргиния, берегись! Быть может, мы никогда больше не увидим тебя!

Но дух скользил вперед все быстрее, и она ничего не слышала. Когда они дошли до конца комнаты, он остановился и прошептал какие-то слова, которые она не могла понять. Она раскрыла глаза и увидела, как стена медленно растаяла, словно мгла, и за ней открылась огромная черная пещера. Холодный ветер окутал их, и она почувствовала, как кто-то потянул ее за платье.

– Скорее, скорее, – крикнул дух, – а то будет слишком поздно!

И не прошло мгновения, как деревянные обшивки стены закрылись за ними, и гобеленовая зала опустела.

VI

Минут десять спустя зазвонил гонг, призывая к чаю. Виргиния не явилась, и миссис Отис послала за нею наверх лакея. Он вернулся и заявил, что нигде не нашел мисс Виргинии. Так как у нее была привычка под вечер выходить за цветами для обеденного стола, миссис Отис не беспокоилась вначале, но, когда пробило шесть и Виргинии все еще не было, она серьезно заволновалась и послала мальчиков поискать ее в парке, а сама вместе с мистером Отисом обошла все комнаты в доме. В половине седьмого мальчики вернулись и заявили, что нигде нет никаких следов Виргинии. Все были крайне встревожены и не знали, что предпринять, когда вдруг мистер Отис вспомнил, что несколько дней тому назад позволил цыганскому табору расположиться у него в парке. Он тотчас же в сопровождении старшего сына и двух работников отправился в Блэкфельский лог, где, как он знал, находились цыгане. Маленький герцог Чеширский, едва не обезумевший от беспокойства, настойчиво просил, чтобы и его взяли с собой, но мистер Отис отказал, так как боялся, что будет драка. Когда они прибыли на место, где был табор, оказалось, что цыган уже нет, и, судя по тому, что еще теплился костер и на траве валялись какие-то тарелки, отъезд их был крайне спешный. Отправив Вашингтона и работников обыскать округу, мистер Отис побежал домой и разослал телеграммы по всем полицейским участкам, прося разыскать девочку, похищенную бродягами или цыганами. Потом он приказал оседлать лошадь и, убедив жену и трех мальчиков сесть за стол обедать, поехал по направлению к Аскоту в сопровождении грума. Но не успели они проехать и двух миль, как услышали за собой лошадиный топот. Оглянувшись, мистер Отис увидел маленького герцога, прискакавшего на своем коне, без шляпы и с покрасневшимся лицом.

– Простите меня, мистер Отис, – сказал мальчик, задыхаясь, – но я не могу есть, покуда Виргиния не найдена. Пожалуйста, не сердитесь на меня, но, если бы вы в прошлом году дали согласие на нашу помолвку, этой истории не случилось бы. Вы не отправите меня назад, не правда ли? Я не хочу возвращаться домой, и я не могу вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.